

К содержательному определению понятий «пространства» и «времени»

Евгений Наклеушев*

Аннотация

Нижеследующее перелагает самым упрощенным возможным образом некоторые фрагменты книги автора¹, отредактированной для Интернета и размещенной на его персональной странице².

Для чего понадобилось автору это крайнее упрощение — при том, что необходимо сопряженный с ним отрыв изложения от его доказательной базы создает собственные трудности для его понимания? «Мы ленивы и нелюбопытны» — сказал в свое время Пушкин. Допустим в приливе оптимизма, что сегодня это несколько менее справедливо, но крайне сомнительно, что бы мы в суете нашей стали существенно внимательней и схватчивей к смыслам текстов с «лица не общим выраженьем». Так что, существо изложенного автором в его книге по данному вопросу может оказаться просто не замечено читателями — именно в силу его до занудства скрупулезной, насколько позволили силы автора, обстоятельности. Наконец, признаюсь, что в означенных фрагментах книги продирался через такие джунгли новооткрытого континента истины, что предельно упрощенное описание там увиденного, оказалось небесполезно мне самому. Засим приступлю к делу.

Как тривиально констатирует Дж. Смарт в статье «Time» («Время») в «Encyclopedia of Philosophy» (New York, London, 1967), «наиболее интересные концепты не могут быть прояснены эксплицитными определениями». Здесь «наиболее интересными» названы *самые фундаментальные* понятия как «пространство» и «время». Не существует, в самом деле, никаких для них определений, кроме чисто тавтологических, например, «определения» времени как «длительности событий» (какой «длительности»?!) — сразу ясно, что той же временной, — или уж совсем ничего не ясно). Такие наиболее базовые понятия схватываются нами чисто интуитивно, и лишь внешне рафинируются в наших философиях и науках. И если бы мог существовать высокоразвитый ум, воспитанный культурой, ухитрившейся обойтись без интуиций пространства и времени, мы никогда не сумели бы ему втолковать, что мы под оными разумеем.

Несколько сходно, невозможно передать знание цвета слепорожденному. Но, если тот не обделен теоретической жилкой, ему можно все же содержательно изъяснить то

*E-mail: emn42@yandex.ru

¹Введение в унологию, или единое знание, Ярославль, 2001 г.

²<http://www.nakleushev.narod.ru>

объективное, что стоит за различием цветов: разные частоты электромагнитного излучения. И вот, нельзя ли каким-то в принципе подобным образом определить «пространство» и «время» для того гипотетического высокоразвитого ума, что нацело лишен их интуиций? Автор претендует на то, что нашел такую возможность.

Чтобы с тем согласиться, читателю придется принять еретичнейшее предположение, что возможен уровень знания, более глубокий, чем все доселе известные, в коем понятия, общепризнанные доселе «самыми фундаментальными», оказываются фрагментами некоей возвышающейся над ним надстройки. (В самом деле, не смущает ли дотошный ум вряд ли подходящая нынешнему «фундаментальному уровню» **полная взаимная обособленность** понятий «пространства» и «времени» [1]?) Разработкой этого более глубокого уровня в течение многих лет занимается автор, создавший квазиточный метод понятийного пространства, позволивший ему увидеть современное знание (шизофренически расщепленное доселе в обособленных науках, взаимовраждебных философиях и не желающих знать друг о друге религиях) как голографическое целое, все части коего проясняют и достраивают друг друга (часто самым неожиданным образом). Результаты этой работы изложены автором в двух его книгах, от последней из коих он здесь отталкивается.

Три базовые оси этого понятийного пространства определяются здесь (предельно упрощенно, в сравнение с книгой) полюсами Однократного — и Постоянного (первое из них), Индивидуального — и Универсального (второе), и Расхождения — и Схождения разнонаправленных тенденций организации вещей и явлений (третье). Вот так, слишком, на первый взгляд, странно просто, абстрактно, сухо — и непонятно.

Дальнейшее изложение будет, повторимся, по необходимости целиком декларативным и недоказательным. Желавшие серьезно разобраться в его положениях отсылаются к вышеупомянутой книге.

То, чем занимается наука, относится в своей основе к *квадранту*, определенному осями Универсального и Постоянного (в *объеме* нашего понятийного пространства наука практически не подвизается, за исключением безотрадного принципа роста энтропии — да целиком превратно истолкованной дарвинизмом в своих движущих силах — через те же *энтропийные* в своем существе факторы! — биологической эволюции — см. ту же книгу), и основано на аксиоме (эксплицитно учеными нигде не выраженной и вряд ли признаваемой их не склонным философствовать большинством), что **все содержание реальности организовано чисто пространственно**. На том стоит формально-логический, конечно-структурный в своем истоке, анализ (откуда, по Аристотелю, «правильно мыслить значит разделять делимое и соединять соединимое»), на коем в свою очередь основана наука, — и вот почему аристотелево требование рассматривать время исключительно «по аналогии с пространством» неотъемлемо от науки, несмотря на то, что большинство ученых вряд ли о нем хоть однажды слышали.

И вот, мы **определяем «пространство» как способ организации вещей и явлений, относящийся именно — и только — к Универсальному и Постоянному в них.**

Время, в свою очередь, определимо как способ организации тех же вещей и явлений, относящийся к их Индивидуальному и Однократному.

В развитой европейской традиции последняя область становится совершенно игнорируема (гадалки и прорицатели в ней — пережитки архаики и, разумеется, «шар-

латаны» [2]). Это область того, что определяется древними словами «судьба» и «предназначение», ставшими, как заметил Шпенглер, в системе научного мышления *антипонятиями*.

Время и пространство относятся таким образом к накрест лежащим квадрантам так выделенной понятийной плоскости (в октантах объема, забегаая вперед, они объединены общим для них Схождением разнонаправленностей).

Человек с математическим соображением непременно спросит, а что лежит в остальных двух квадрантах: Однократного и Универсального — и Постоянного и Индивидуального? Оказывается, что в первом приближении это области чистой дезорганизации, приобщаемые к организации, только становясь пограничными моментами либо **Пространственной Закономерности**, либо **Временной (Темпоральной) Судьбы**, и соответственно *по разному* в оных работающими. Так, на Закономерность Постоянное и Индивидуальное работают в качестве **Однозначности**, без коей та была бы поглощена своим обратным пограничным моментом Однократного и Универсального с его *принципиальной Случайностью* (неизящный, мягко скажем, термин, необходимый, однако ж, дабы не спутать его с двусмысленно звучащей «случайностью»). Изначально наука, в частности классическая физика, простодушно отождествляла закономерность с однозначностью (откуда в частности проистекло удивительное в своей дубовости уверение изящных и милых либералов, французских просветителей, что свобода есть-де «познанная необходимость», перенятое позже глубоким и тонким диалектиком — но и дисциплинированным подданным прусского полицейского государства — Гегелем). Квантовая механика ввела в физику момент принципиально неустранимой Случайности. Стройная Однозначность сохранилась в ее Закономерности лишь как **математический** (а не математический и физический разом, как в классической физике) детерминизм формул квантовой механики.

Та же область Постоянного и Индивидуального (то есть буквально *Неделимого*), становясь пограничным моментом Судьбы, определяется *теперь* как цело-слитный (именно, как камень) **Рок** всей совокупности когда-либо существовавших, существующих и имеющих существовать в будущем личностей, вещей и событий, тогда как Однократное и Универсальное отвечают *здесь* за момент их **Выданности случаю** (он же, со своей обратной стороны — момент их анархичной и более веселой **Вольности в случае**). Мы привыкли воспринимать идею «Рока» как наделенную всецело зловецким смыслом, но именно Рок **один** полагает пределы иначе бы неограниченному произвольному расползанию — в Хаос! — вещей, личностей и событий в их Индивидуальной и Однократной сторонах, Закономерности по определению ее не подвластных (а между тем, как показано в книге, *более весомых* в сложении всего организованного, чем Универсальное и постоянное). Тем более, что зловецкой в Роке «неизбежности» противостоит таки вносящая в него сшибки Вольность в случае (как, впрочем, и светлой стороне «всецелой надежности» Рока — противостоит опаснейшая Выданность случаю), в соответствии с чем собственной природе Судьбы достается сравнительно светлая в общем — хотя и далеко не всегда удачливая — **Свобода** маневра между Роком и Вольностью-Выданностью случаю, дабы добиваться лучшего — но, как показано в книге, — **соборно** лучшего в участи своей и своего окружения, как и в целой стране и в мире, — с ними, а не вопреки им, — нравится это, или нет, нашим ошалевшим в своем хватательном «индивидуализме» [3] современникам. Действовать вопреки соборности чревато — при

всех возможных временных частных «успехах» — последовательной дезорганизацией целой своей среды — и самого себя, как ее неотчуждаемого элемента. Так что прав, как почти всегда, премудрый Губерман, говоря:

Живи и пой — шустрить не надо:
природы тонок механизм:
свое же зло своим же ядом
свой отравляет организм.

А что стыкует в единство Время и Пространство, Судьбу и Закономерность? Третье измерение, Схождение в нем разнонаправленных тенденций организации, оно же направление ее роста, оно же направление, ведущее к Богу (Точней, к той Его *Вершинной* Ипостаси, которую принимает за Бога традиционный монотеизм Ближнего Востока и обращенной им в христианство Европы. Истинная природа Бога парадоксальна: к Нему можно придти, идя не только к Вершине бытия, но и, как в Дальневосточных даосизме, буддизме и индуизме, — к его всепримиряющему *Центру!* /Пожалуй, насчет Бога здесь не так уж и нужно, ну да, позвольте автору похвастать еще одним своим открытием./ Подробности все в той же книге.).

Итак, примите, господа благосклонные читатели, заявку: нетавтологические определения «пространства» и «времени» нами даны — впервые в истории человеческой мысли. Они покамест выглядят крайне сухо и абстрактно, вроде объяснения цветов слепорожденному, но это вполне типичный путь всякого начального знания (в книге они несколько более развернуты теоретически с приведением ярких фактических иллюстраций роли Судьбы). Но, не пройдет, смеет быть уверенным автор, и тысячи лет (даст Бог, и века, если тот не сокрушит целое культурной мысли, — или даже одного поколения?), как на этих тоще глядящихся ныне прутиках привьются яркие цветы и созреют сочные плоды живого древа жизни.

Комментарии

1. В теории относительности, правда, пространство и время оказываются неразъемными элементами пространственно-временного континуума (непрерывности) Минковского. Но, как показал уже Бергсон, «время» физики целиком «опространствлено», следуя руслу аристотелевской традиции рассматривать время исключительно «по аналогии с пространством». Вместе с тем, сразу ясно (по крайней мере представителям незападных культур, не до конца сбитым с толку фанатическим западничеством), что главное в специфике времени — его *устремленность* (в **иное** доселе бывшему!) — категорически не укладывается в любую самую изощренную «аналогию с пространством», так что специфика времени остается в современном мышлении целиком наособь от специфики пространства. Вопрос о первой из этих специфик находится попросту вне поля зрения любой физической теории, и иначе, как мы убедимся, это и быть не может.
2. В 60-х или 70-х годах у нас была переведена книга «Философия нагуа» — о мировоззрении ацтеков (нагуа было их самоназвание), где сообщалось, что их наиболее

занимали вопросы «что остается?» и «что удастся?». При всей кажущейся «наивности», вопросы те — самые фундаментальные. «Что остается?» — равномогущен тысячелетнему евразийскому вопросу о характере *субстанций* — то есть неизменных *подстоящих* изменчивым течениям бытия, — вопрос, фигурирующий и в современной физике, ищущей *инварианты* — *неизменяемые* характеристики динамики, — и симметрии. Это, в терминологии автора, именно вопрос о *пространственной* стороне организации вещей и явлений, то есть интегральный вопрос целой европейской науки. «Что удастся?» — это вопрос о *специфической* организации бытия временем — вопрос, целиком выпавший из развитой европейской традиции. Ответы на эти вопросы практически не пересекаются, за исключением некоторых отрицательных: так, из закона сохранения энергии следует, что не может удастся вечный двигатель. Что до ответов на вопрос, что удастся, а что категорически нет, — в *изменчивой* стороне действительности — замечательно, что немцы, как ни один другой современный народ, истово верящие и более всех внесшие в науку, раз за разом в веках, как ни один же другой современный народ, часто и скандально садились в лужу, пытаясь добиться категорически невозможных изменений в европейском и мировом военно-политическом статусе Германии!

3. Вопреки расхожей пошлости, что личность никогда-де не была развита на Востоке, последний являет нам на вершинах своей культуры *самый яркий дающий* — в противовес хватательному Западу — индивидуализм в протекшей истории человечества. Так у Конфуция: «Если говорить о высочайших, то ученый не подданный даже для Сына Неба; если сказать о более низких, то ученый не работает и на правителей. Внимательный и спокойный, превыше всего ставит он широту души. . . Даже получив в удел царские земли, он не ставит это ни в грош. Не подданный он и не служилый. . . » (Древнекитайская философия. М.: 1973 г., т. 2, стр. 139). Кто на современном Западе, столь кичащемся своим «индивидуализмом» (в рамках прямо непристойного, по стандартам российской порядочности, конформизма), решился бы заявить принародно столь дерзкие слова? Разве какой-нибудь анархистствующий демагог. Но вот уж не был Конфуций ни демагогом, ни анархистом!